

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ЖАНРОВ: ДИАЛЕКТИКА ФОРМЫ И СОДЕРЖАНИЯ

УДК 821.161.1 *Достоевский.06*
ББК 83.3(2Рос=Рус)1

DOI 10.52172/2587-6945_2022_22_4_13

А. П. Власкин¹

ORCID: 0000-0002-6168-3461
независимый исследователь
apvtgn@mail.ru

С. В. Рудакова²

ORCID: 0000-0001-8378-061X
Магнитогорский государственный технический
университет им. Г. И. Носова
455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 38
rudakovamsu@mail.ru

СКВОЗНОЙ МОТИВ «ОФИЦЕРСТВА» В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Несмотря на достаточную исследованность творчества Ф. М. Достоевского, проблема, к которой обращаются авторы статьи, до сих пор не оказывалась в фокусе внимания филологов. Работа посвящена вопросу, связанному как с биографией (личной судьбой) писателя, так и с его литературным наследием, – это вопрос о мотиве «офицерства» в творчестве Достоевского. Почти во всех произведениях рассматриваемого автора – в очерках, повестях и романах, от «Бедных людей» до «Братьев Карамазовых» – появляются персонажи, имеющие военное звание. Герои писателя, имеющие отношение к офицерской среде, авторами предложенного исследования условно классифицируются на два разряда – случайные (или «проходные») и существенные (определяющие характеристику образной системы произведений). К первому разряду можно отнести

¹ Власкин Александр Петрович, доктор филологических наук, профессор, независимый исследователь, г. Магнитогорск, Россия.

² Рудакова Светлана Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

безымянных героев-офицеров из «Бедных людей», «Двойника», их роль в произведениях невелика. На переходе между первым и вторым разрядом оказываются, по мнению авторов работы, герои так называемых «комических повестей» Достоевского. Выявлена изменяющаяся (в образной, сюжетной, идейной сфере) роль героев-офицеров в послекаторжных повестях «Записки из подполья» и «Кроткая». Выявлен закономерно-неровный ритм реализации мотива «офицерства» в великом пятикнижии. В процессе рассмотрения специфики участия героев-офицеров в обстоятельствах жизни и судьбах главных героев в романах «Преступление и наказание», «Бесы» и «Подросток» сделан вывод, что кажущаяся случайность появления офицеров на самом деле обманчива. В «Идиоте» же и «Братьях Карамазовых», напротив, как показано в работе, Достоевский подчеркивает концептуальную значимость «офицерской» стихии в истории и характерах тех или иных персонажей.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, художественное творчество, мотив, офицерство, герои-офицеры, «великое пятикнижие»

Введение

Для начала обратим внимание на послужной список Достоевского-военного. Как известно, в августе 1843 года будущий великий писатель Ф. М. Достоевский после обучения в Инженерном училище (фактически военное учебное учреждение) был выпущен на действительную службу в Инженерный корпус в чине *подпоручика* [3, 84–85]. Выполнение всего лишь тягостных обязанностей по службе (фактически военного чиновничества) оказалось достаточным для разочарования в выбранном пути, и потому в августе 1844 г. он подал в отставку, намереваясь полностью сосредоточиться на литературных занятиях. Однако через десять лет его военная служба поневоле продолжилась: после выхода с каторги в январе 1854 г. Достоевский был зачислен рядовым в Отдельный сибирский корпус. Зимой и весной 1855 г. шло общение Достоевского в Семипалатинске с офицерами разного ранга, которые сочувственно к нему относились, как к недавно очень известному литератору. После смерти Николая I и вступления на престол Александра II вышел «Высочайший манифест», на основании которого в ноябре 1855 г. Достоевский был произведен в унтер-офицеры. В октябре 1856 г. Достоевский произведен в прапорщики (первый офицерский чин), но ещё с весны этого года писатель стал высказывать надежду на увольнение с военной службы, с переходом в статскую. Наконец, в марте 1859 г. он был уволен со службы в чине *подпоручика* [3, 194,

204, 208, 228, 256].

То есть для военной карьеры Достоевского характерна примечательная кольцевая композиция (от подпоручика – до подпоручика). Вместе с тем, в силу драматических обстоятельств опробовав на себе всю линейку промежуточных чинов – от рядового до подпоручика, писатель имел опыт общения с офицерами самых разных рангов, вплоть до генералов.

Стоит сразу заметить, что изначально отношение Ф. М. Достоевского к представителям военной среды не могло быть скептическим. Сам он в парадигме соответствующей карьеры отчасти повторяет жизненный опыт отца, М. А. Достоевского (всегда им почитаемого). Тот после окончания Медико-хирургической академии в 1812 г. был командирован в *военный госпиталь*, затем служил в Бородинском пехотном полку и был *удостоен звания штаб-лекаря*, а *после увольнения в декабре 1820 г. с военной службы* определен в Московскую больницу для бедных [11, 90–92]. Поэтому представляется естественным, что именно по настоянию отца два старших сына были определены для обучения в военно-инженерное училище. Военная служба, как и сопутствующие ей профильные обязанности, была в то время вполне достойным, если не сказать почетным, жизненным поприщем в глазах едва ли не всего населения страны. После увольнения с военной службы отец, М. А. Достоевский, сосредоточился на медицине, сын же его, Ф. М. Достоевский, – на литературе.

Мотив «офицерства» в творчестве Достоевского

Для нас сейчас важно, что персонажи в том или ином воинском звании (от солдат до генералов) присутствуют едва ли не во всех произведениях Достоевского – в очерках, повестях и романах, от «Бедных людей» до «Братьев Карамазовых». Полный и глубокий в аналитико-психологическом отношении обзор всех таких случаев в масштабах статьи сделать невозможно (это задача, как минимум, для специальной диссертации). В настоящий момент мы претендуем лишь на постановку проблемы.

Все варианты упоминания персонажей в их отношении к военной среде можно *очень условно* дифференцировать на два разряда – случайные (или «проходные») и существенные (определяющие характеристику образной системы произведений). Для нас, разумеется, особенно интересны вторые. Однако обзор мы произведем по порядку.

К первому разряду относятся безымянные «офицеры» в романе

«Бедные люди». Для этого произведения характерен авторский акцент на вопросе социального расслоения персонажей. Главному герою, Макару Девушкину, важно подчеркнуть, что он находится не на самом дне жизни. Поэтому в письме к Вареньке Доброселовой, перечисляя своих соседей по съемным комнатам, он упоминает, для пестроты картины и такую информацию: *«Два офицера живут и всё в карты играют»* [2, I, 16] (здесь и далее курсив в цитатах наш – А. В., С. Р.). Впоследствии (по сюжету) один из этих офицеров перед сменой жилья, по словам Вари, «ославил нас на весь дом» [2, I, 72]. То есть этот офицер пустил сплетню о Макаре и Вареньке, и это его не красит. Вот и его дядя отзывается, что он «мальчишка и ветрогон». А между тем, судя по контекстуальным намекам, сам этот дядя – попросту престарелый развратник.

Двойственно описание попытки Макара отстоять честь Вари. Когда «не в своем виде был» (то есть в подпитии), «...я и пошел к нему, к офицеру-то. Адрес-то я у нашего дворника спросил. <...> Я, Варенька, ничего, по правде, и не помню; помню только, что у него было очень много офицеров, или это двоилось у меня — бог знает. <...> Ну, тут-то меня и выгнали, тут-то меня и с лестницы сбросили, то есть оно не то чтобы совсем сбросили, а только так вытолкали» [2, I, 67].

Таким образом, с хмельным Макаром офицеры поступили примерно так же, как поступит в романе «Братья Карамазовы» отставной офицер Дмитрий с опустившимся Лукьяном Снегиревым. Но об этом мы поразмышляем позже. В любом случае, участие «офицеров» в сюжете первого романа нельзя считать существенным, и таковой же, то есть нехарактерной, является и негативная окраска их повествовательных ролей.

В следующем опубликованном произведении Достоевского, в повести «Двойник», также упоминается ряд безымянных офицеров. Но их роль еще менее значима. Они использованы как будто лишь для того, чтобы разнообразить упоминания персонажей-чиновников, то есть «разбавить» собою средний социальный пласт.

На переходе от первого разряда упоминаемых у Достоевского офицеров ко второму нам представляются персонажи так называемых «комических повестей» послекаторжного периода. Первая из них, по времени публикации, – «Дядюшкин сон». Здесь интрига вокруг старичка-князя затевается дамами, среди которых значатся одна офицерская вдова и одна «полковница». Своей сумбурной суетой они довели старичка до кончины. Лишь в финале на авансцену выводятся подлинные офицеры. Вначале это «князь Щепетиллов, родственник

покойнику, <...> в полковничьих эполетах и в аксельбантах. Всех чиновников пробрал какой-то необыкновенный страх от этих аксельбантов» [2, II, 396]. Своими строгими распоряжениями он решительно погасил все интриги.

Выразительна в этой повести судьба центральной героини, Зины Москалевой. Её тяготила затеянная матерью матримониальная интрига вокруг старичка-князя. И в финале, в качестве утешительного приза, ей достается в мужья «строгий генерал, старый воин, израненный в сражениях, с двумя звездами и с белым крестом на шее» [2, II, 397]. В итоге на балу она танцует «*только с одними генералами-с*»; что на настоящем бале всех *генералов*, своих и приезжих, девять, *включая в то число и действительных статских советников*» [2, II, 397].

Последнее уточнение примечательно: из зоны нашего внимания нужно бы исключить мнимых, то есть не военных, а штатских генералов («*действительных статских советников*»). Добавим, что в дальнейшем вниманием стоит обойти и персонажей в чинах полицейской (как Порфирий Петрович и поручик Порох в «Преступлении и наказании») или тюремной службы (в «Записках из мертвого дома»). В их психологии и поведении «воинская выправка» едва ли отражается. Между тем, ярко проявляется она в характерах *отставных* военных. А таких среди персонажей в произведениях Достоевского подавляющее большинство.

Здесь кстати будет заметить, что у Достоевского имеется единственный, но весьма примечательный пример очерка об отставном *солдате*. Он так и назывался – «Отставной» – и входил в задуманный в конце 1840-х гг. цикл «Рассказы бывалого человека», который «должен был состоять из трех небольших произведений, повествующих о жизни одного героя – Астафия Ивановича. В первом из них, «Отставном», Астафий Иванович вспоминает о своем военном прошлом и участии в походе 1812 г.» [2, II, 482]. Очерк этот был напечатан в «Отечественных записках» за 1848 г., но впоследствии не включался Достоевским в прижизненные собрания сочинений, однако фрагменты из него приводятся в современных изданиях.

Для нас герой очерка примечателен характеристикой: «Отставной гораздо *цивилизованнее крестьянина и во сто крат нравственно выше дворового человека*»; и далее: «Служба только *заправила его на жизнь*, но прежде всего он был *из числа бывалых людей, и, кроме того, хороших людей*» [2, II, 422]. Стоит заметить, забегая вперед, что Астафий Иванович из раннего очерка в рассказах о войне, о её участниках (даже о самом Наполеоне) (см.: [2, 422–426])

предвещает подобные «воспоминания» отставного генерала Иволгина в романе «Идиот». Можно предполагать, что в подсознании Достоевского отставные офицеры были, подобно отставному солдату Астафию, «на особом счету». Если тот сравнивался с крестьянами и дворовыми людьми, то эти – с обывателями и чиновниками из дворянской среды. И персонажи-офицеры также зачастую выигрывали при таких сравнениях, будучи «бывальными», более «цивилизованными», часто оказываясь «нравственно выше» представителей окружающей их среды.

К разряду подобных офицеров-отставников принадлежит один из центральных героев второй послекаторжной повести, «Село Степанчиково и его обитатели» (начатой автором даже прежде «Дядюшкина сна»). Относительно нее имеется признание самого Достоевского: «...тут положил я мою душу, мою плоть и кровь <...> в нем есть два огромных типических характера, создаваемых и записываемых пять лет, обделанных безукоризненно (по моему мнению), – характеров вполне русских и плохо до сих пор указанных русской литературой» [2, 28; 1, 326]. Имеются в виду Фома Опискин и Егор Ростанев. В научных характеристиках первого из них нет недостатка (см., например, обзорную работу Р. Семьиной – [9]). Второй, на наш взгляд, незаслуженно обойден вниманием.

Ростанев – это *полковник в отставке*. Его характеристика изначально изобилует позитивными, но ироничными чертами: «Есть натуры решительно всем довольные и ко всему привыкающие; такова была именно натура отставного полковника. Трудно было себе представить человека смиреннее и на всё согласнее. Если б его вздумали попросить посерьезнее довести кого-нибудь версты две на своих плечах, то он бы, может быть, и довел: он был так добр, что в иной раз готов был решительно всё отдать по первому спросу и поделиться чуть не последней рубашкой с первым желающим» [2, III, 5]. И уже безо всякой иронии упоминается его отношение к жене: «...всю жизнь свою, чуть не с шестнадцати лет, он пробыл в гусарах. Женился в очень молодых годах, любил свою жену без памяти; но она умерла, оставив в его сердце неизгладимое, благодарное воспоминание» [2, III, 5]. Таково же его отношение и к своим детям.

Для этого героя характерно ранжирование тех, с кем сталкивает его судьба, согласно неформальной, почти военной иерархии: жена – дети – мать – кумир матери Фома Опискин. Ему свойственны самоумаление, самоотречение, покорное принятие оценок и даже наказаний самого себя со стороны «высших» по иерархии (матери, отчима, затем Фомы Опискина) – так сказывался выработанный

на военной службе инстинкт подчинения. Годами всю семью «содержал непочтительный сын, посылая матери последнее, закладывая и перезакладывая свое имение, отказывая себе в необходимейшем, войдя в долги, почти неоплатные по тогдашнему его состоянию, и все-таки название эгоиста и неблагодарного сына осталось при нем неотъемлемо. Но дядя был такого характера, что наконец и сам поверил, что он эгоист, а потому, в наказание себе и чтоб не быть эгоистом, всё более и более присылал денег. Генеральша благоговела перед своим мужем. Впрочем, ей всего более нравилось то, что он генерал, а она по нем — генеральша» [2, III, 6–7]. В результате, после смерти отчима и «воцарения» приживальщика Фомы, «вскоре дом дяди стал похож на Ноев ковчег» [2, III, 6–7].

Ближе к финалу в Ростаневе на время, по воле обстоятельств, разыграло воинское начало. Тоска по покойной жене сменилась глубокой влюбленностью в гувернантку Настю. Зловредный же Фома оскорбительно высказывался о них обоих и попутно обижал любимых детей Ростанева. Тем самым нарушалась неформальная иерархия привязанностей героя, и произошел «бунт»: «...я не владел собой... Когда он сказал давеча про Настю, то меня как будто в самое сердце что-то укусило. Я <...> поступил, как тигр...» [2, III, 160]. Он буквально вышвырнул Фому через дверь из своего дома, под грозовой дождь.

Примечательно, что в разгар скандала запутавшийся Ростанев высказывает намерение вернуться как бы в родную для себя и более понятную стихию: «Я оставляю Степанчиково. Живите здесь все покойно и счастливо. Я же еду в полк – и в бурях брани, на поле битвы, проведу отчаянную судьбу мою... Довольно! еду!» [2, III, 143]. Намерение это, однако, в конечном счете осталось неосуществленным.

Если продолжать разговор о послекаторжных повестях Достоевского, то среди них выделяются еще две, «Записки из подполья» и «Кроткая». В первой из них заметное место занимают два офицера. Один из них, безымянный персонаж, ущемляет большие амбиции центрального героя тем, что ни во что не ставит его ни в бильярдной, ни на улицах. С другим будущим офицером, Зверковым, наш герой был знаком ещё со школьных лет и признается в давних чувствах: «...я ненавидел его красивое, но глупенькое лицо (на которое я бы, впрочем, променял с охотою свое умное) и развязно-офицерские приемы сороковых годов» [2, V, 136]. Подпольный (от лица которого ведется повествование) по ходу сюжета навязывается на участие в прощальном обеде по случаю отъезда Зверкова в «вояж» по воинским обязанностям. При этом также

(как и в случае с первым офицером) находятся поводы для уязвления самолюбия героя-повествователя. Заметим, что все поводы разнообразного рода составляют заметную роль в формировании характера «подпольного героя» и концепции повести в целом.

В повести «Кроткая» значимость мотива «офицерства» ещё более усиливается (как это было и в «Селе Степанчикове...» относительно «Дядюшкина сна»). Теперь уже сам исповедующийся герой-повествователь оказывается офицером. После скандальной истории в полку (отказался от вызова на дуэль) он вынужден уйти в отставку, будучи обиженным на людей и «на всю жизнь». (Нелишним будет заметить, что в будущем Достоевский воспроизведет подобную же ситуацию в итоговом романе, в «Братьях Карамазовых». Там поступит в ранней молодости примерно так же – ни много ни мало – старец Зосима, тогда еще вспыльчивый офицер Зиновий).

Исповедующийся повествователь в «Кроткой» бунтует против «иронии судьбы» и формального этического кодекса офицерской среды. Как бы назло всем он стойко переносит тяготы жизни и становится ростовщиком, фактически наживаясь на чужой нужде. По справедливому замечанию Н. Г. Михновец, «стремление к самоутверждению <...> сопровождалось при этом неосозанным для него и изначальным (по Достоевскому) для каждого человека стремлением к любви» [6, 118]. Он по-своему влюбляется в девушку-сироту и женится на ней, фактически спасая её от гибели. А между тем оказывается, что сам Ростовщик-закладчик остается в плену своих скрытых инстинктов, навязанных военной средой. Во всем – даже в любви и в семейной жизни – он должен главенствовать и побеждать. Свои ущемленные амбиции он тиранически вымещает на героине-Кроткой, что и приводит к её трагическому самоубийству.

Что касается романов «великого пятикнижия», то и в них у Достоевского опять-таки проявляется закономерно-неровный ритм, на котором в образах и в сюжетах сказывается мотив «офицерства» (как мы наблюдали это до сих пор в повестях). Так, в «Преступлении и наказании», в «Бесах» и в «Подростке» – это будто бы единичные случаи участия офицеров в судьбах главных героев. Но случайность здесь – обманчива. И напротив, в «Идиоте» и в «Братьях Карамазовых» автор не скрывает концептуальной значимости «офицерской» стихии в истории и обстоятельствах жизни тех или иных персонажей.

В «Преступлении и наказании» автор выставляет на передний план лишь одного офицера – безымянного, но весьма значимого

для формирования идеи-замысла Раскольников. Напомним, что главный герой невольно подслушивает в трактире разговор студента с офицером о возможном и даже желательном убийстве старухи-процентщицы. Воспользуемся здесь наблюдениями авторов недавней монографии: «Студент фактически излагает проект «идеи» – убить старуху: «За одну жизнь – тысячи жизней, спасенных от гниения и разложения. Одна смерть и сто жизней взамен – да ведь тут арифметика! Да и что значит на общих весах жизнь этой чахоточной, глупой и злой старушонки? Не более как жизнь вши, таракана» [2, VI, 54]. В ответ офицер задает принципиально важный вопрос: «Вот ты теперь говоришь и ораторствуешь, а скажи ты мне: убьешь ты *сам* (курсив Достоевского) старуху или нет?»

– Разумеется, нет! Я для справедливости... Не во мне тут и дело...

– А по-моему, коль ты сам не решаешься, так нет тут никакой и справедливости!». Авторы монографии заключают: «Раскольников согласен и со студентом, и с офицером. Студент сам не брался убить старуху, а Раскольников – решился на это. И тогда, уже по логике офицера, возможно, это было бы и справедливо. Это и была его идея» [5, 57].

Кроме того, немаловажно, что под «офицером» подразумевается «человек действия» (тогда как «студент» – лишь праздный «теоретик») (см.: [4, 82]). Но, добавим от себя, ведь кумир Раскольникова-идеолога – это Наполеон, опять-таки доросший до полководца и императора артиллерийский *офицер, человек действия*.

В романе «Идиот», как уже сказано, стихия «офицерства» очень значима. Неслучайно здесь фигурируют самые разные персонажи-офицеры, как служащие, так и отставные. В поступке одного из них даже показан возможный мотив выхода в отставку. Это Евгений Павлович Радомский, один из претендентов на руку Аглаи Епанчиной. Он сменяет привычный для окружающих военный мундир на штатский костюм. Затем многие персонажи догадываются, что он сделал это для того, чтобы не замарать честь мундира, потому что подозревал близящийся скандал с дядей, которому он был прямым наследником. Сам Радомский успокаивает: «Я ведь на время, на несколько месяцев, самое большее год в отставке пробуду» [2, VIII, 211]. (Примерно так, мы помним, поступает и полковник Ростанев в «Селе Степанчикове...», готовый в любой момент вернуться на службу).

Очень значимы в романе «Идиот» и два центральных семейства, во главе которых стоят отставные генералы – Епанчин и Иволгин. Каждый из них по-своему помнит и чтит свое военное прошлое. Выводятся здесь на сцену и разные другие офицеры. Но ярче всех

описан в романе отставной поручик Келлер. О нем почти панегирически высказывается автор монографии Ф. В. Макаричев: «образ Келлера обладает поистине колоссальным интертекстуальным (в творчестве Достоевского) потенциалом. Этот невзрачный на вид «отставной поручик» заряжен такими токами, что вровень с ним (по целому ряду художественных параметров) могут встать лишь такие «новые звезды», как Лебезятников и Хохлакова. Дело именно в его стремительном, бешеном росте от *заскорузлого типа* до узнаваемой во многих (причем уже главных и более поздних героях Достоевского) *характерной индивидуальности*. В этой почти космической отзывчивости есть что-то очень важное, настоящее, художественно-связующее» [4, 354]. Как бы то ни было, образ Келлера действительно являет собой достаточно редкий случай образной динамики: начинает он с одной «репутацией» и постепенно, по ходу сюжета, вырастает в глазах других персонажей и в восприятии читателей до значительного и неоднозначного художественно-психологического уровня. И во многом это происходит за счет его «офицерских» инстинктов.

При переходе к следующему роману, к «Бесам», наблюдается уже знакомый нам кажущийся спад значимости «офицерской» составляющей. Здесь одному из центральных героев, Николаю Ставрогину, автор дает не самый существенный по сюжету, но все-таки неслучайный офицерский опыт. В одном из эпизодов Петр Верховенский (подстрекатель заговорщиков) в беседе со Ставрогиным рассказывает, как он «вербует» сторонников в офицерской среде, пропагандируя им атеизм: «Один седой бурбон капитан сидел, сидел, всё молчал, ни слова не говорил, вдруг становится среди комнаты и, знаете, громко так, как бы сам с собой: «Если бога нет, то какой же я после того капитан?». Взял фуражку, развёл руки и вышел.

– Довольно цельную мысль выразил, – зевнул <...> Николай Всеволодович.

– Да? Я не понял; вас хотел спросить» [2, X, 180].

Подверженными атеизму и даже склонными к восприятию революционных идей показаны в романе именно молодые офицеры, то есть люди хотя и прекраснодушные, но не имеющие жизненного опыта. Таков, например, прапорщик Эркель. Примечательна данная ему авторская характеристика: «Исполнительная часть была потребностью этой мелкой, малорассудочной, вечно жаждущей подчинения чуждой воле природы – о, конечно не иначе как ради «общего» или «великого» дела. <...> Чувствительный, ласковый и добрый Эркель, быть может, был *самым бесчувственным из убийц*, собравшихся на Шатова, и безо всякой личной ненависти, не смигнув глазом, присутствовал бы при его убиении» [2, X, 439].

Ставрогин знает цену и «бурбону капитану», и бессердечному Эркелю, потому что сам был офицером и, случалось, убивал людей на дуэлях. Петр Верховенский, в свою очередь, многого «не понимает». Его хватает лишь на то, чтобы манипулировать такими, как Эркель, но отступаться от таких, как «седой бурбон капитан».

В следующем романе, в «Подростке», неоднократно упоминаются офицеры, но почти все они играют эпизодические роли. Один раз появляется персонаж, похожий на Келлера (но в редуцированном, художественно неразвернутом варианте), – это некий поручик в отставке, который просит милостыню на улице и пристает к центральным персонажам, Версилову и Аркадию [2, XIII, 220–221]. В нем колоритно сказываются искаженные амбиции и понятия о чести. В другом случае подпольную рулетку содержит некий Зерщиков: «Это был отставной штабс-ротмистр, и тон на его вечерах был весьма сносный, *военный, щекотно-раздражительный к соблюдению форм чести*, краткий и деловой» [2, XIII, 228].

Более заметны барон Бьоринг с его сослуживцем. О последнем сказано: «...один из тех баронов Р., которых очень много в русской военной службе, все людей с сильнейшим баронским гонором, совершенно без состояния, живущих одним жалованьем и чрезвычайных служак и фрунтовиков» [2, XIII, 260]. Сам же Бьоринг более значим в том, что он по логике сюжета является «женихом», то есть соперником для Аркадия и Версилова как претендентов на женскую благосклонность княгини Ахмаковой.

Наконец, достаточно значим в романе образ еще одного офицера, князя Сергея Сокольского. Это предполагаемый жених сестры Аркадия, Лизы. Характеристика его явно противоречива. С одной стороны, Сокольского отличает целый ряд позитивных качеств. С другой – ему свойственны слабости характера, которые искажают человеческие качества, заставляют от них то и дело отступаться, нравственно падать. В конечном итоге, Сергей Сокольский опускается даже до политического доноса, но сам же переживает это так, что умирает от воспаления мозга. Это явный признак болезненного ущемления офицерской чести.

В итоговом романе, «Братьях Карамазовых», мотив «офицерства» вполне предполагаемым образом набирает у Достоевского свою выразительность и многокрасочность. В этом произведении ведь и все остальные сквозные мотивы находят наиболее яркое выражение, что убедительно показано в науке (это отчасти отражено в обобщающей коллективной монографии) [8].

Как уже упомянуто нами, с офицерской стези начинает свой жизненный путь наиболее нравственно авторитетный герой романа, старец Зосима. Именно через уход от этой стези и преодоление ложных понятий об офицерской чести он сумел подняться до высоконравственной религиозно-старческой позиции (см. пояснения Р. Г. Назирова [7] и В. А. Свительского [10]).

По сюжету романа появляется в нем и некий мнимый носитель «офицерства» (какие уже встречались в предыдущих произведениях Достоевского) – это «прежний и беспорный» сердечный избранник центральной героини, Аграфены Светловой (Грушеньки). По словам Раkitина: «Поляк он, ее офицер этот, <...> да и не офицер он вовсе теперь, он в таможене чиновником в Сибири служил где-то там на китайской границе, должно быть, какой поляченочек мозглявенький» [2, XIV, 324]. Тем не менее, юной Грушеньке этот псевдо-офицер успел в свое время вскружить голову наружными манерами.

Наиболее значим в психологическом отношении выраженный в романе конфликт между двумя отставными офицерами, поручиком Дмитрием Карамазовым и штабс-капитаном Снегиревым. Под влиянием гнева, ломая военную иерархию, младший по чину Дмитрий издевательски избивает будто бы старшего по чину Снегирева и готов «дать удовлетворение». Но последний не помышляет о дуэли, потому что для него более значимы другие, не офицерские, а жизненные приоритеты. Снегирев вовсе не чужд офицерской чести, и амбиции его страдают. Однако он обременен семьей и вот как поясняет младшему Карамазову (Алеше) невозможность для себя отстоять свою честь: «А если так, то вызови я его на дуэль, а ну как он меня тотчас же и убьет, ну что же тогда? С ними-то тогда со всеми что станется-с? Еще хуже того, если он не убьет-с, а лишь только меня искалечит: работать нельзя, а рот-то всё-таки остается, кто ж его накормит тогда, мой рот, и кто ж их-то всех тогда накормит-с? Аль Илюшу, вместо школы, милостью просить высылать ежедневно? Так вот что оно для меня значит-с на дуэль-то его вызвать-с, глупое это слово-с и больше ничего-с» [2, XIV, 186]. Последнее здесь выражение («глупое это слово-с и больше ничего-с») выразительно откликается в диалоге кокетки-мещанки Марьи и Смердякова: «На дуэли очень, я думаю, хорошо, – заметила вдруг Марья Кондратьевна.

– Чем же это-с?

– Страшно так и храбро, особенно коли молодые офицерики с пистолетами в руках один против другого палят за которую-нибудь.

Просто картинка. Ах кабы девиц пускали смотреть, я ужасно как хотела бы посмотреть.

– Хорошо коли сам наводит, а коли ему самому в самое рыло наводят, так оно тогда самое глупое чувство-с. Убежите с места, Марья Кондратьевна» [2, XIV, 205–206].

Вывод

Подытоживая наши наблюдения, следует признать, что в произведениях Достоевского «офицерские» признаки на уровне как инстинктивного, так и сознательного поведения многих персонажей далеко не случайны и являются важным подспорьем для понимания художественного метода этого великого писателя-психолога.

Литература

1. Ветловская В. Е. Роман Ф. М. Достоевского «Бедные люди». Ленинград: Художественная литература, 1988. 208 с.
2. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Ленинград: Наука, 1971–1986.
3. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: в 3 т. Т. I. Санкт-Петербург: Академический проект, 1999. С. 84–85.
4. Макаричев Ф. В. Художественная индивидуология Ф. М. Достоевского. Санкт-Петербург: ЭлекСис, 2016. 374 с.
5. Макаричев Ф. В., Власкин А. П., Макаричева Н. А. Душевная жизнь и ее воплощение в произведениях Ф. М. Достоевского. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГЭУ, 2022. 221 с.
6. Михновец Н. Г. Кроткая // Достоевский: Сочинения, письма, документы: Словарь-справочник. Санкт-Петербург: Пушкинский Дом, 2008. С. 116–121.
7. Назиров Р. Г. Творческие принципы Ф. М. Достоевского. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1982. 160 с.
8. Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: современное состояние изучения / П/р Т. А. Касаткиной. Москва: Наука, 2007. 838 с.
9. Семькина Р. С.-И. Село Степанчиково и его обитатели // Достоевский: Сочинения, письма, документы: Словарь-справочник. Санкт-Петербург: Пушкинский Дом, 2008. С. 162–167.
10. Свительский В. А. Самодостаточность личности и жизненные роли героев Достоевского (от «Записок из подполья» к «Братьям Карамазовым») // XXI век глазами Достоевского: перспективы человечества. Москва: Грааль, 2002. С. 397–406.
11. Хроника рода Достоевских. Под ред. И. Л. Волгина.

Москва: Фонд Достоевского, 2012. 1232 с.

REFERENCES

1. Vetlovskaja V. E. Roman F.M. Dostoevskogo «Bednye ljudi». Leningrad: Hudozhestvennaja literatura, 1988. 208 p.
2. Dostoevskij F. M. Poln. Sobranie sochinenij: v 30 t. Leningrad: Nauka, 1971–1986.
3. Letopis' zhizni i tvorcestva F. M. Dostoevskogo: v 3 t. T. I. Sankt-Peterburg: Akademicheskij proekt, 1999. Pp. 84–85.
4. Makarichev F. V. Hudozhestvennaja individologija F. M. Dostoevskogo. Sankt-Peterburg: JelekSis, 2016. 374 p.
5. Makarichev F. V., Vlaskin A. P., Makaricheva N. A. Dushevnaia zhizn' i ee voploshhenie v proizvedenijah F. M. Dostoevskogo. Sankt-Peterburg: Izd-vo SPbGJeU, 2022. 221 p.
6. Mihnovec N. G. Krotkaja // Dostoevskij: Sochinenija, pis'ma, dokumenty: Slovar'-spravochnik. Sankt-Peterburg, 2008. Pp. 116–121.
7. Nazirov R. G. Tvorcheskie principy F. M. Dostoevskogo. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1982. 160 p.
8. Roman F. M. Dostoevskogo «Brat'ja Karamazovy»: sovremennoe sostojanie izuchenija / Pod. red. T. A. Kasatkinoj. Moscow: Nauka, 2007. 838 p.
9. Semykina R. S.-I. Selo Stepanchikovo i ego obitateli // Dostoevskij: Sochinenija, pis'ma, dokumenty: Slovar'-spravochnik. Sankt-Peterburg, 2008. Pp. 162–167.
10. Svitel'skij V. A. Samodostatochnost' lichnosti i zhiznennye roli geroev Dostoevskogo (ot «Zapisok iz podpol'ja» k «Brat'jam Karamazovym») // XXI vek glazami Dostoevskogo: perspektivy chelovechestva. Moscow: Graal', 2002. Pp. 397–406.
11. Hronika roda Dostoevskih. Pod red. I. L. Volgina. Moscow: Fond Dostoevskogo, 2012. 1232 p.

THE THROUGH MOTIF OF "OFFICERSHIP" IN F. M. DOSTOEVSKY'S WORKS

Alexander P. Vlaskin

Doctor of Philology, professor, independent researcher

(Magnitogorsk, Russia)

Svetlana V. Rudakova

Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Linguistics and

Literary Studies, Nosov Magnitogorsk State Technical University

(Magnitogorsk, Russia)

Abstract

Despite the sufficient research of F. M. Dostoevsky's works, the problem addressed by the authors of the article has not yet become the focus of philologists' attention. The work is devoted to the question related both to the biography (personal fate) of the writer and to his literary heritage – this is the question of the motif of "officership" in Dostoevsky's works. In almost all of his works – essays, novellas and novels, from "Poor People" to "The Brothers Karamazov" – characters having a military rank appear. The authors tentatively classify the characters of the writer related to the officer environment into two categories – accidental (or "passing") and essential (defining the characteristic of the system of images in his works). The first category includes unnamed heroes-officers from "Poor People", «The Double», their role in the works is small. The authors of this article believe that the characters of the so-called "comic stories" of Dostoevsky are in transition from the first to the second category. The changing (in the imagery, plot and ideological spheres) role of the heroes-officers in the post-prison stories "Notes from the Underground" and "A Gentle Creature" is revealed. A naturally uneven rhythm of the realization of the motif of "officership" in the Great Pentateuch has been revealed. After considering the specifics of the participation of hero-officers in the circumstances of the life and fate of the main characters in the novels "Crime and Punishment", "Demons" and "Adolescent", it is concluded that the apparent randomness of the appearance of officers is actually deceptive. In "The Idiot" and "The Brothers Karamazov", on the contrary, as shown in the work, Dostoevsky emphasizes the conceptual significance of the "officer" element in the history and personalities of certain characters.

Keywords: F. M. Dostoevsky, artistic creativity, motif, officers, heroes-officers, the Great Pentateuch

Для цитирования: Власкин А. П., Рудаков С. В. Сквозной мотив «офицерства» в творчестве Ф. М. Достоевского // Libri Magistri. 2022. № 4 (22). С. 13–27.

Поступила в редакцию 27.09.2022

Принята в печать 29.10.2022